

ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Том XLV

ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(ЗВОРАО)

Издание основано академиком В. Р. Розеном в 1886 г.

Новая серия
Том III (XXVIII)

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ И СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (2007–2015)

АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Под редакцией
В. П. Никонорова и В. А. Алёшкина

Контраст
Санкт-Петербург
2015

ПЕНДЖИКЕНТ И АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Б. И. Маршак, *В. И. Распопова* (Санкт-Петербург)

Пенджикент — согдийский город, основанный в V в. н. э. и прекративший свое существование в конце VIII в. Расположенный в 60 км к востоку от Самарканда, он был невелик — его площадь всего лишь 13,5 га, включая цитадель (рис. 1, 1). Изучение городища древнего Пенджикента ведется с 1946 г. В результате проведенных там раскопок выяснилась сложная картина городской застройки. Город жил и развивался почти на протяжении четырех столетий. По верхнему уровню исследовано около половины территории древнего города, а также усадьбы и некрополи, находящиеся вне крепостных стен. Верхний строительный горизонт не един. Установлены три этапа, укладываемые в 70–75 лет VIII в. Конец первого этапа приходится на начало 20-х гг. VIII в., затем следует период запустения, к 40–50-м гг. VIII в. относятся ремонтные работы во многих зданиях и возведение новых домов; конец жизни древнего города приходится на 70-е гг. VIII в. Эти выводы были сделаны на основании изучения стратиграфии и нумизматического материала первоначально отдельных сравнительно небольших участков [Большаков 1964; Маршак 1964; Ставиский 1964], а затем всего городища [Расопова 1990: 14–26]. Для Пенджикента, как и для всего Согда, VIII в. был временем важных перемен. Арабское завоевание и последовавшая за ним исламизация населения глубоко затронули все устои согдийского общества. Начало завоевания арабами земель в Зеравшанской долине приходится на время правления в Пенджикенте князя Деваштича (не позднее 708–722 гг.). Цель этой публикации — проследить то, как в застройке и материальной культуре Пенджикента отразились события этого бурного времени.

Скорее всего, с событиями 712 г. связаны изменения в городской фортификации. В восточной части Пенджикента, внутри сплошной застройки жилого квартала были выявлены руины более ранних городских укреплений [Маршак 1975: 115–117]. (рис. 1, 2). Исследованы два участка первоначальной восточной стены. На южном участке (объект VII) раскопаны три куртины и две башни, а также боковые фасады еще двух башен. Здесь же прослежены остатки стрелковой галереи. На северном участке — половина куртины и угол башни. Расстояние между участками около 120 м.

Последняя, третья, мощная стена внутри города была возведена не раньше конца VII в. (в ее кладке найдены монеты Вархумана и Бидйана), но уже в начале VIII в. она была полностью уничтожена, а на ее месте построили жилища объектов III и VII. Жилища, возведенные на месте уничтоженной крепостной стены, напоминают дворцы — выстроены они основательно, большие по размеру, в два-три этажа, сложные по планировке, с росписью и деревянной скульптурой [Большаков 1964: рис. 1; Воронина 1964: рис. 1; Распопова 1990: 28–32, 47–48, рис. 6] (рис. 2).

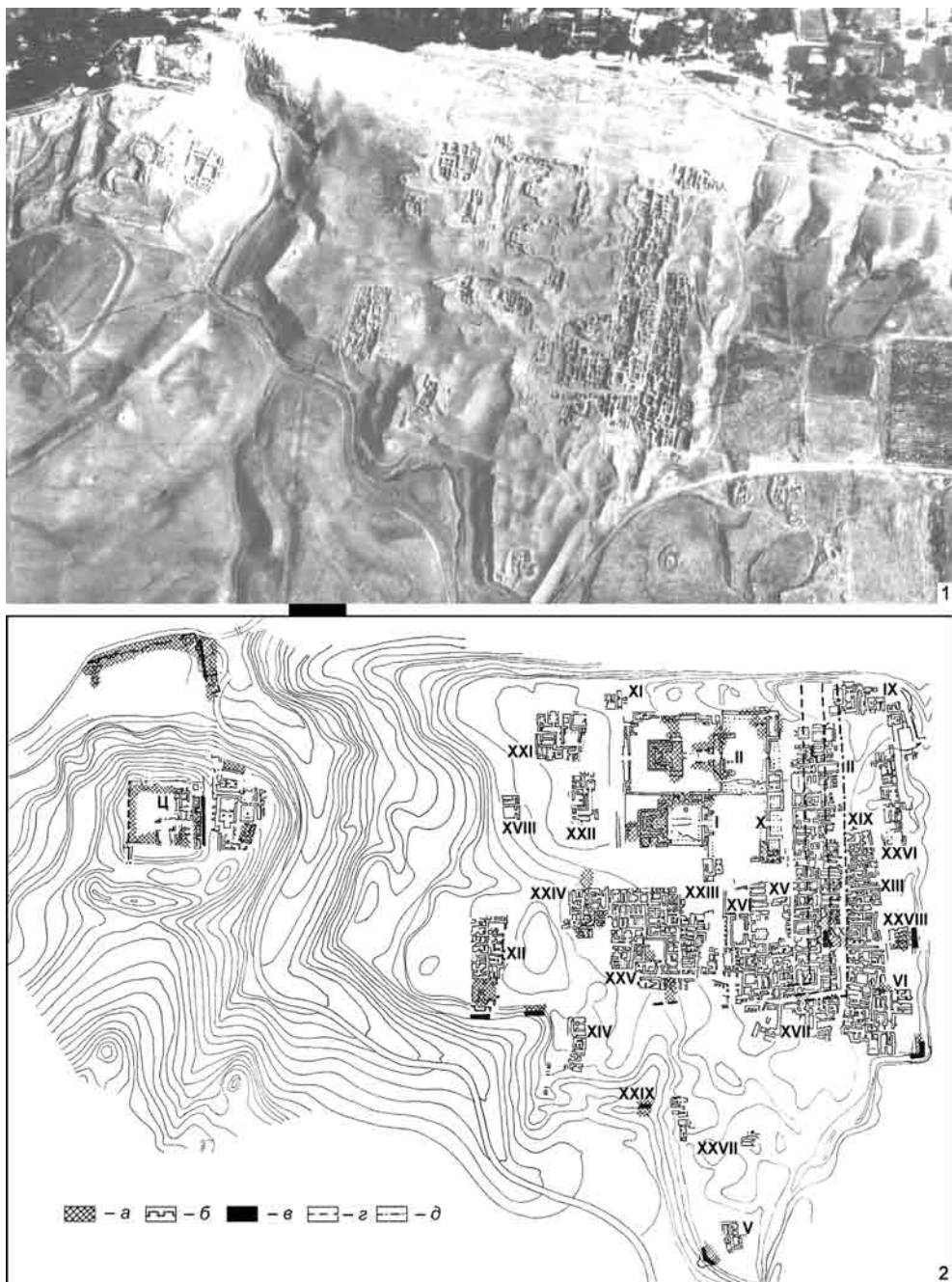

Рис. 1. 1 — вид на городище Пенджикент сверху, аэрофотосъемка 1972 г.;
 2 — план Пенджикента, на котором показаны стена и ров, уничтоженные в начале VIII в.:
 а — участки со слоями V–VI вв.; б — стены с башнями V в.; в — крепостные стены V–VI вв.;
 г — контуры стены внутреннего города и главного здания цитадели; д — наружные контуры рва

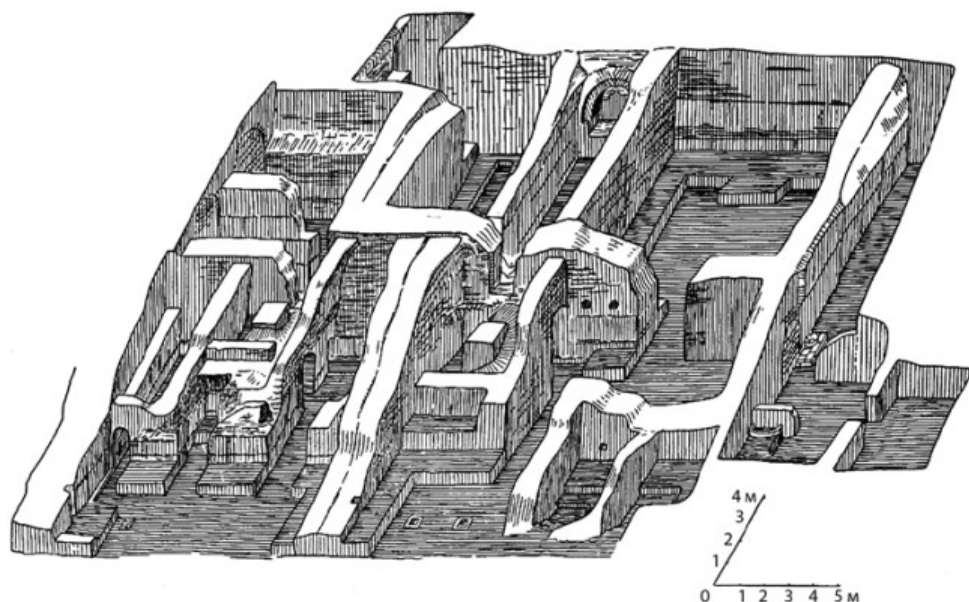

Рис. 2. Пенджикент, объект III, комплексы II и III, построенные на месте уничтоженной крепостной стены и засыпанного рва [по: Большаков 1964: рис. 1]

Можно предположить, что время уничтожения крепостной стены Пенджикента совпадает с датой важного события в истории Согда — взятия Самарканда Кутейбой в 712 г., после чего арабы выселили жителей его шахристана. В результате царь Согда Гурек и его двор переселились в Иштихан или Фринкент, а в Пенджикенте, судя по мугским документам, оказались сыновья самаркандского государя Тархуна, погибшего в 711 г. В последние годы своего правления Деваштич претендовал на власть над всем Согдом и Самаркандом. Не исключено, что уехавшая из захваченного арабами Самарканда согдийская знать, сохранившая свои земельные владения, движимое имущество и политические связи, примкнула к Деваштичу и поселилась в его владениях. Это им можно объяснить как причину одновременного быстрого строительства большого количества богатых домов в Пенджикенте, так и значительное влияние на согдийские дела самого Деваштича и пенджикентского владения в 712–722 гг.

Документы с горы Муг свидетельствуют, что Деваштич сотрудничал с арабами, которые какое-то время признавали за ним право на царский титул [Крачковская, Крачковский 1934: 67–69; Лившиц 1979: 62–64; 2008: 119–126]. Уничтожение стены также можно истолковать как проявление его лояльности по отношению к арабам. Других перестроек городских стен с начала VIII в. в Пенджикенте не отмечено. Мы не знаем и храмовых зданий, построенных этим государем, но прослеживаем очень большое жилищное строительство, приходящееся на годы его правления (рис. 3, 1). На плане строительство этого времени скорее преуменьшено, чем преувеличено, поскольку из домов, заселенных к 722 г., здесь учтены только те, дату постройки которых удалось установить с полной определенностью.

Можно думать, что одновременно с возведением новых домов на территории города и во дворце Деваштича на цитадели (рис. 3, 2) произошли некоторые изменения в украшении тронного зала дворца правителя Пенджикента. Там на одной

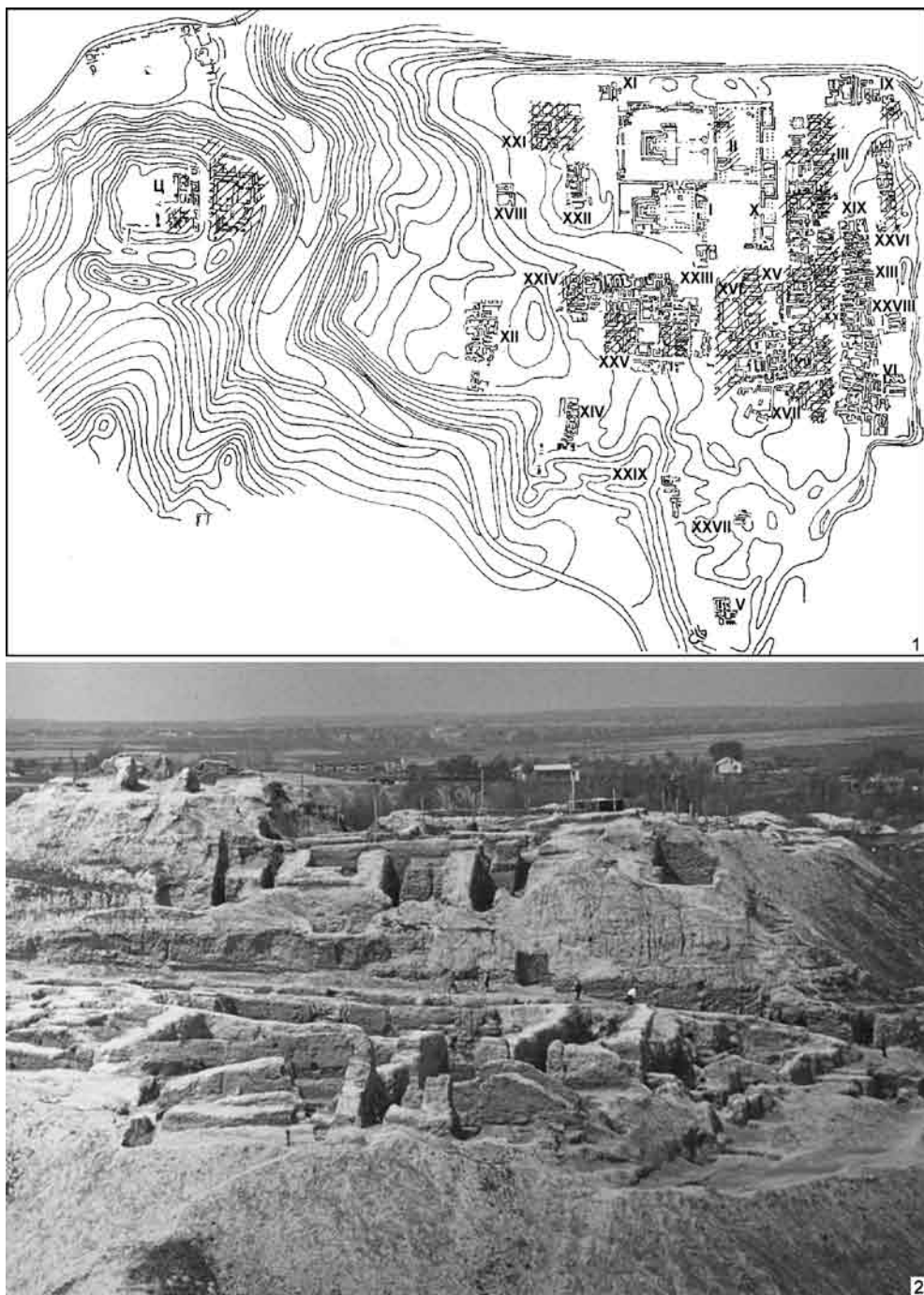

Рис. 3. Пенджикент:

1 — строительство времени Деваштича (постройки этого времени на рисунке заштрихованы);
2 — вид с востока на цитадель, на нижней площадке — остатки дворца Деваштича

из стен поместили роспись, где отображено взятие арабами Самарканда в 712 г. с помощью камнеметного орудия *манджаник*, осадных лестниц и т. д. (рис. 4, 1, 1a) [Беленицкий, Маршак 1978]. Среди персонажей есть арабы в их характерной одежде с пропущенными под подбородком концами чалмы (так позднее изображали бедуинов) (рис. 4, 2, 2a), однако воины с обнаженными головами, которые стреляют из манджаник — не арабы и, скорее всего, не согдийцы. Из пяти таких бойцов двое левых — это курносые блондины (их волосы оставлены незакрашенными), тогда как другие имеют более темные волосы (переданные сплошной красной краской), изогнутые длинные усы и горбатый нос. Видимо, эти персонажи были неарабами — *мавали*, которых охотнее, чем своих сородичей, ставили под обстрел осаждаемых арабские эмиры.

Имелась здесь и сцена коронации согдийского царя, которому повязывают корону-диадему (рис. 4, 3). Возможно, это коронация Деваштича — владельца Пенджикента в качестве царя Согда и господина Самарканда, состоявшаяся в 718 г. Следует упомянуть также роспись, украшавшую портик, выходивший на одну из улиц [Маршак, Распопова 2005: 59–60, рис. 131, фото XL, XLI] (рис. 5). Это иллюстрация сказки

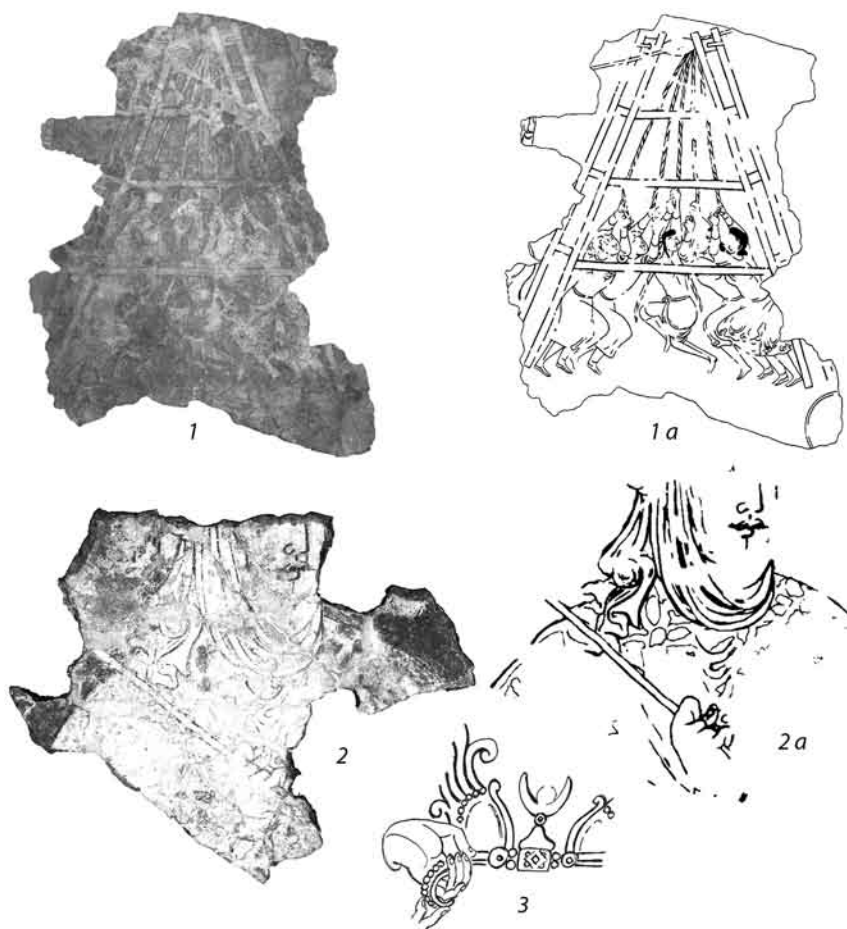

Рис. 4. Пенджикент, цитадель, дворец, тронный зал (помещение 5):

1, 1a — изображение манджаники; 2, 2a — изображение араба;
3 — изображение сцены коронации

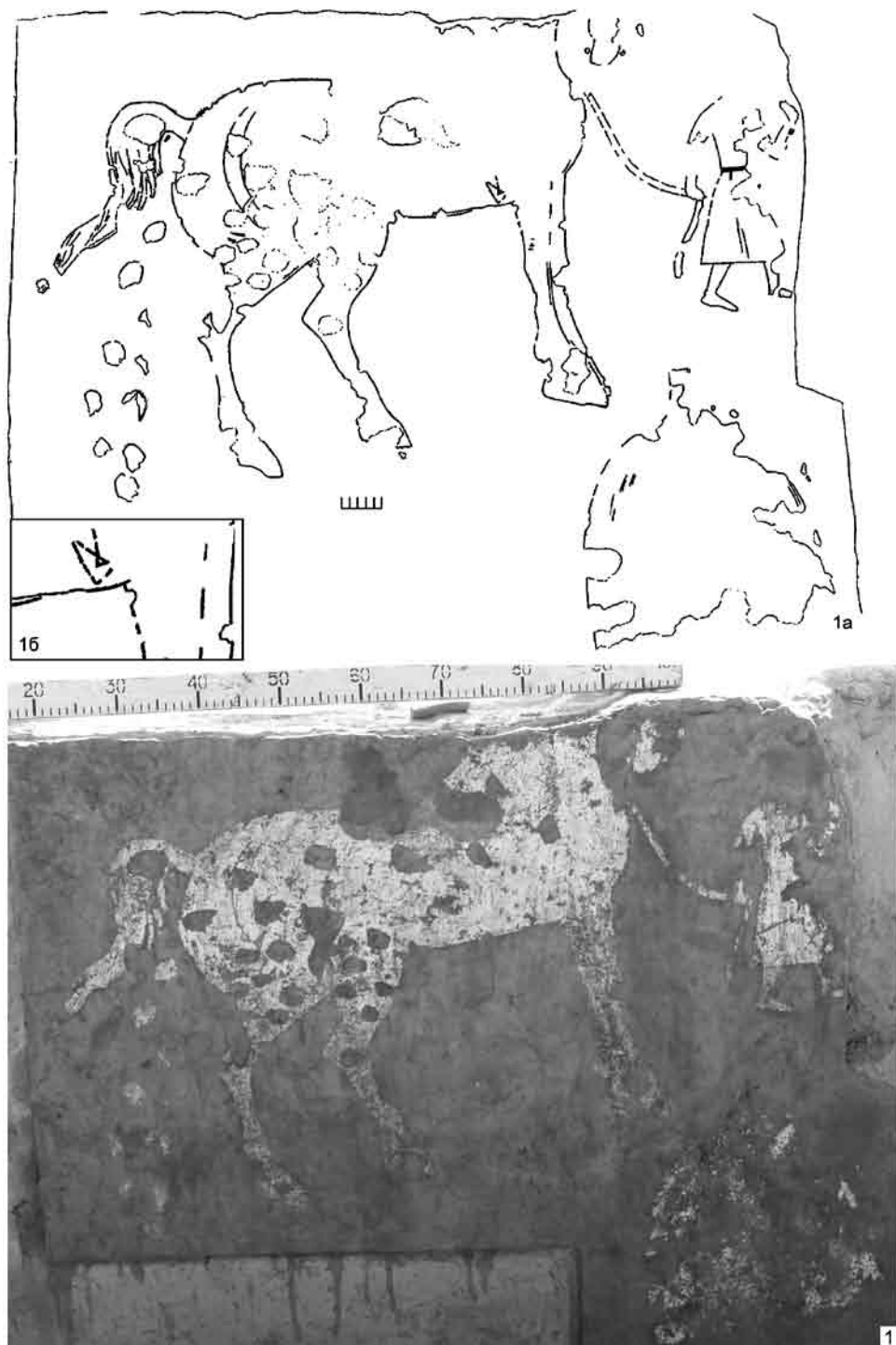

Рис. 5. Пенджикент, объект XXVI, айван, настенная роспись — иллюстрация сказки о волшебном коне (1 — оригинал; 1a — прорисовка; 1б — арабская надпись)

о волшебном коне, испражнявшегося золотом. На брюхе коня тонкими серыми линиями чернилами дважды написано по-арабски слово «нет» (рис. 5, 16). Полностью сохранилась только одна из этих надписей, та, которая целиком находилась на белом фоне, тогда как низ, пришедшийся на небеленую штукатурку, не виден. Надпись выражает неприятие согдийских изображений увидевшими их арабами, один из которых и начертал ее. Это случилось еще до разгрома города в 722 г., поскольку поверх изображения коня идет слой штукатурки с символическим изображением бога Солнца [Маршак, Распопова 2005: рис. 130]. Подобную надпись М. М. Дьяконов обнаружил в помещении 10 храма I, где живопись была повреждена, а на одной из фигур северной стены были трижды выцарапаны «арабские буквы лям и алеф, составляющие слово “ла” (“нет”)». Буквы эти весьма архаичны и выцарапаны, вероятно, арабами-завоевателями, захватившими Пенджикент в 20-годах VIII в.» [Дьяконов 1954: 106].

В 722 г. арабы разгромили Пенджикент, предали огню большую часть города. Были уничтожены храмы, которые в качестве культовых сооружений никогда больше не были восстановлены. Пожар как следствие этого разгрома охватил город где-то между началом августа и началом сентября, на что указывают раскопанные амбары, которые уже были заполнены пшеницей, яблоки, сушившиеся на крыше (рис. 6), и собранные в корзины абрикосы [Беленицкий 1956б: 21]. Время уборки пшеницы приходится на август. Свидетельства документов с горы Муг и археологические материалы тут полностью совпадают. Как установили Ф. Грене и Э. де Ля Вэссьер, 28 июля 722 г. (документ А-16 с горы Муг) Деваштич еще отдавал распоряжения фрамандару, а 1 августа 722 г. (документ Б-2 с горы Муг) была сделана последняя запись касательно учета подневных приходов и расходов [Grenet, de la Vaissière 2002: 177; Лившиц 2008: 158; СДГМ-3: 29–31].

Особенно жестоко арабы обошлись с дворцом Деваштича. Все парадные помещения погибли в огне пожара. Но еще до того, как здание сгорело, они, судя по всему, подверглись намеренному разгрому. Сильно пострадала настенная живопись в тронном зале. Ни в одном другом помещении на городище штукатурка с росписью не оказалась в таком плачевном состоянии, как здесь. Содранная со стен, она была вдобавок растоптана и в виде многослойного крошева лежала на полу и на суфах

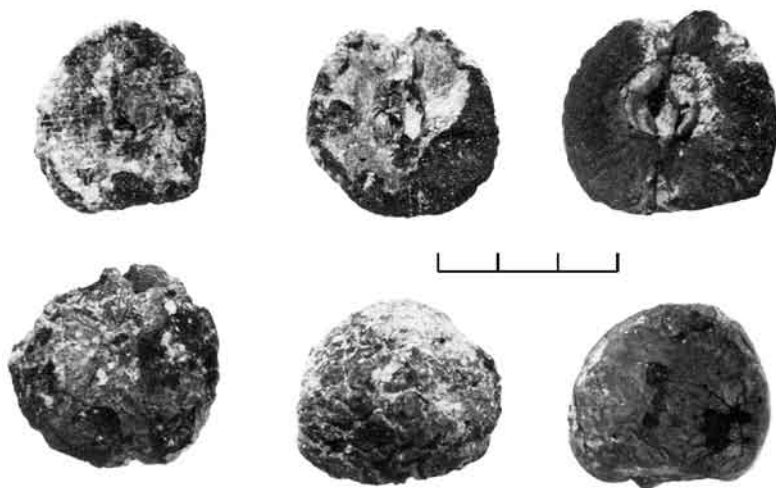

Рис. 6. Пенджикент, объект XVI, помещение 84, слой пожарища второго этажа — разрезанные пополам обуглившиеся яблоки

под толщей завала. Одновременно с Пенджикентом разрушению и пожару подверглись горные владения Деваштича (замок на горе Муг, Кум и Мадм). В Тали-Барзу и Кафыр-кале близ Самарканда также отмечены пожарища этого же времени [Григорьев 1946: 153].

В первой четверти VIII в. заканчивается выпуск монет пенджикентского литья. Для 20–30-х гг. VIII в. наблюдается временное запустение города, связанное с подавлением арабами согдийских восстаний и массовой эмиграцией. На цитадели Пенджикента были устроены казармы для арабского гарнизона. Свидетельством пребывания там арабов является обломок сосуда с арабской надписью чернилами (рис. 7, 1). Он найден на полу внутреннего двора цитадели. Чтение и анализ надписи принадлежат А. М. Беленицкому. Сохранилась лишь часть надписи — это распоряжение о включении определенного количества лиц в общие списки воинов, получавших «долю» добычи. В надписи трижды встречается слово *мауля*: «один раз перед именем Джа'фар, два раза перед именем Маймун. Первое имя, как и все остальные собственные имена, обычно для арабов и встречается постоянно в источниках времени арабских завоеваний. Что касается второго, то оно несколько специфично. Точное значение его — «преуспевающий, счастливый», а в обиходе получило название «обезьяна». Представляется, что Маймун был неарабом. Вполне вероятно, что будучи *мауля*, он, для того чтобы получить «долю», должен был особо отличиться и на это, вероятно, и указывают слова «он оказал им помощь»» [Беленицкий, Исаков 1969: 40].

Значение термина *мауля* исследовал И. Ю. Крачковский. В письме к эмиру ал-Джаррāху Деваштич называет себя скромно *мауля* эмира — «клиент». В истории халифата этим термином обозначаются «лица не арабского или не свободного происхождения, принятые в покровительство, как бы в клиентуру какого-нибудь арабского племени или отдельного лица. Число их было очень значительно...; велико было их значение и в Средней Азии в эпоху арабского завоевания и несомненно, что

Рис. 7. Пенджикент:

- 1 — цитадель, черепок с арабской надписью;
2 — объект XIX, черепок с арабо-согдийской надписью

от перехода их в тот или иной лагерь зависел успех или неуспех арабов» [Крачковская, Крачковский 1934: 68]. Из собственных имен пенджикентского черепка особняком стоит имя отца 'Абд ар-Рахмāна, ад-Дабйр (строка 2). «В персидском и согдийском оно означает “писец, секретарь”. Мы не знаем, сопровождалось ли это звание другим собственным именем. Но вполне вероятно, что 'Абд ар-Рахмāн был сыном персидского или согдийского писца и, таким образом, принадлежал к первому поколению местного населения, принявшего ислам...» [Беленицкий, Исаков 1969: 40].

Может быть, какой-то араб при посещении разрушенного города потерял фельс, чеканенный в 110 г. х. (728/9) в городе Рее (рис. 10, 1) [Маршак, Распопова 2002: рис. 124, 7]. Этот фельс относится к меди Омейядов, до сих пор не встречавшейся в Пенджикенте. Наряду с арабскими легендами — «Во имя Аллаха / выбит этот фельс в Рее, год / 110» и «Повелел Аллах верность и справедливость», — под последней строкой второй надписи имеется среднеперсидская строка «ходячая (монета) в Рее» [Walker 1956: 261, no. 881, 882; Miles 1938: 11, 12, no. 28].

Большой интерес представляет черепок с арабо-согдийской надписью (рис. 7, 2). Он обнаружен на нижнем полу помещения 2 объекта XIX в жилище, расположенном неподалеку от восточной городской стены. Слой, из которого происходит черепок, надежно датирован монетами серединой VIII в. На полу найдены следующие монеты: ихрида Кеша (4 экз.), Тургара типа II, Гурека типа II и чачская (с трезубцем). Этот пол был перекрыт другим, в припольном слое которого найдены фельсы ал-Ашраса (2 экз.) и Дауд-ибн Гураза (2 экз.). Надпись на черепке, нанесенная чернилами, — представляет собой учебное упражнение. Она прочитана В. А. Лившицем (см. выше, с. 335–336, надпись № 6), и в ее первой строке содержится исламский термин *басмала*, обозначающий фразу, с которой начинается каждая из сур (глав) Корана (за исключением девятой): «Во имя Аллаха, Всемиловитейшего, Милосерднейшего».

Из этого же дома происходят еще три черепка с согдийскими надписями тушью. В доме через улицу найдено несколько обломков сосудов с согдийскими надписями [Лурье, Маршак 2002: 84–85, рис. 125, а, б; 141; Маршак, Распопова 2005: 54–56, табл. XXIV–XXVIII, XXX]. Находка черепков с надписями позволяет высказать предположение, что где-то здесь могла быть школа писцов. Как показывают документы с горы Муг, в штате канцелярий арабских военачальников были согдийские писцы, которые переводили тексты арабских писем на согдийский, а согдийцы имели в своих канцеляриях для сношения с арабами писцов, владевших всеми формулами бюрократически-мусульманского стиля [Крачковская, Крачковский 1934: 67; Лившиц 2008: 120]. Начальная фраза — *басмала* — в письме Деваштича говорит о том, что он заявляет себя мусульманином. Это, как предполагал Ю. И. Крачковский, было связано «с политикой 'Омара II, который в начале своего халифата разослал в пограничные области представителям местных династий предложение принять ислам...» [Крачковская, Крачковский 1934: 67]. К примеру, самаркандский царь Гурек заявил о своем принятии ислама. Впрочем, со стороны этих согдийских правителей принятие ислама было лишь демонстративным дипломатическим актом. Согдийцы становились мусульманами из-за экономических соображений, и это хорошо понимали арабы. Так, наместник Хорасана ал-Ашрас (109–111/727–729 гг.) написал лицу, ответственному за сбор хараджа: «Поистине, в харадже сила мусульман, мне сообщили, что согдийцы и подобные им приняли ислам не по искреннему желанию, а ища спасения от джизии. Посмотри, кто сделал обрезание, соблюдает предписание, искренен в исламе и может прочесть суру из Корана, с того сними его харадж» [Табари 1987: 1508].

В 741 г. Наср ибн Сеййар заключил договор с согдийцами, по которому разрешил им вернуться на родину [Джалилов 1961: 56; Большаков 1964: 119]. Этим договором воспользовались также пенджикентцы. К середине VIII в. относится попытка восстановления города, когда была вновь освоена основная часть жилой застройки (рис. 8). Восстановление датируется монетами Тургара, вступившего на самаркандский престол в 738 г. В ходе восстановительных работ были отремонтированы разрушенные дома и возведены новые. Часть знатных пенджикентцев попыталась вернуться к прежнему образу жизни: в доме сохраняется специальное помещение с очагом-алтарем, а стены парадных помещений многих зданий расписываются заново, причем с прежним репертуаром и непременно изображением местных божеств. Некоторые пенджикентцы в 740-е гг. пытались сочетать приверженность к своей прежней религии со стремлением не демонстрировать этого мусульманам, которые могли посетить их дом. Помещения с изображениями божеств устраивались внутри дома, куда не было доступа посторонним (рис. 9, 1). Так, на объекте XXIII в помещении 49 — зале с четырьмя колоннами, в которое входил каждый гость, живописи не было вообще, однако стены узкого изолированного помещения 50 за закрытой дверью были росписаны — в частности, там имелось изображение богини Нанайи на львином троне. В первоначальном зале с очагом-алтарем, находящемся рядом с помещением 49 (помещение 53), была устроена кухня, при этом очаг-алтарь (рис. 9, 2, 3) стали использовать как обыкновенный кухонный очаг. В третьей четверти VIII в. он был заложен сырцовой кладкой.

В 740–750-е гг. монеты Тургара были основной разменной монетой в Пенджикенте. В Пенджикенте их найдено значительно больше, чем монет его предшественников. В обращении наряду с полноценными экземплярами находились и фальши-

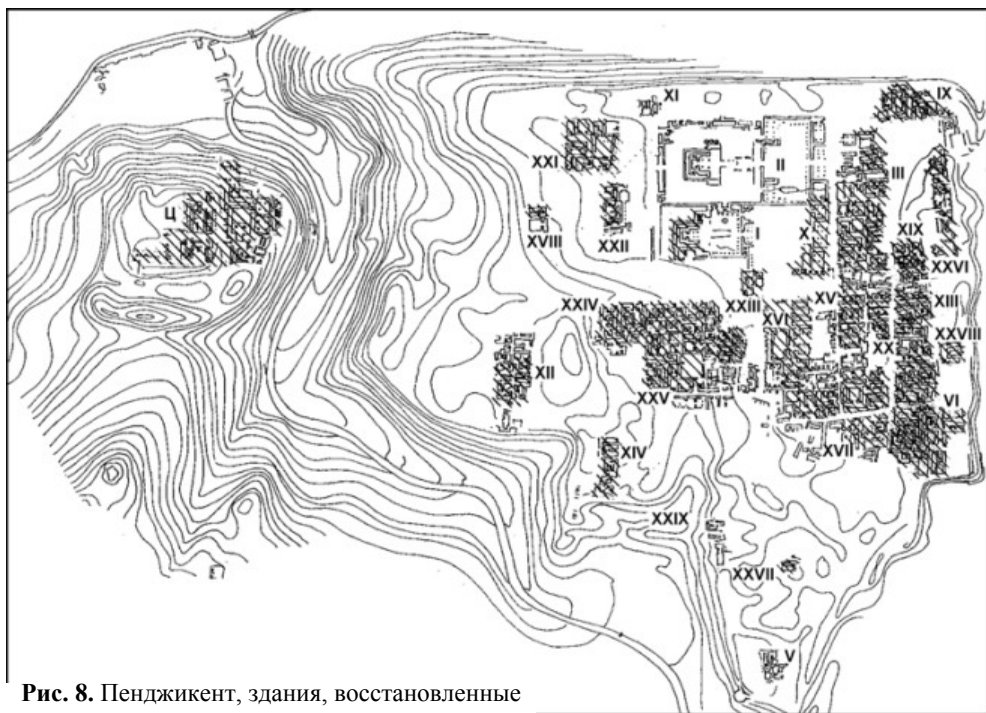

Рис. 8. Пенджикент, здания, восстановленные около 740-х гг. (заштрихованы)

вые монеты. Монеты с именем Тургара продолжали хождение в Пенджикенте довольно длительное время, включая третья четверть VIII в. Тургар от своего имени стал выпускать серебряные драхмы с двуязычной арабо-согдийской надписью (рис. 10, 2), при этом за основу он взял драхмы, восходящие к чекану сасанидского царя Варахрана V (420–438). На аверсе, перед лицом правителя, выбита легенда согдийским письмом «Тургар», а слева, за венцом, — неумело выполненная арабская надпись «Во имя мое».

В середине VIII в. появляются новые типы монет — с арабскими надписями и без квадратных отверстий, т. е. наблюдается переход к новой денежной системе. В Пенджикенте засвидетельствованы находки следующих монет нового типа: ихрида Кеша (рис. 10, 3); мелкие монеты с двустрочной надписью раннекуфическим письмом «шестьдесят в дирхеме» (рис. 10, 4); монета, на аверсе которой помещено изображение головы в крылатой короне, а на реверсе — двустрочная арабская надпись «Во имя Аллаха...» (рис. 10, 5); фрагментированная монета (рис. 10, 6), на лицевой стороне которой над спиной изображенного там идущего коня помещена надпись согдийским или арабским письмом, а на оборотной — «Мухаммед посланник Аллаха». Слово «Мухаммед» частично обломано [Смирнова 1981: 74–76, 417–418].

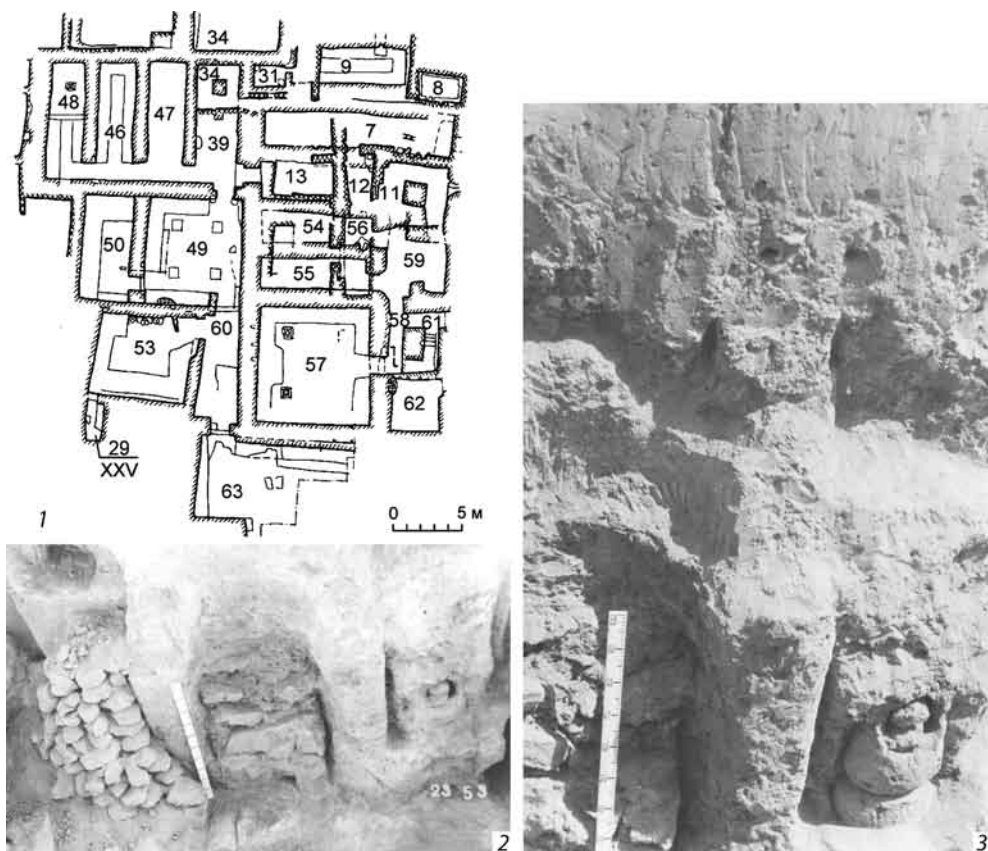

Рис. 9. Пенджикент, объект XXIII:

1 — план жилища 740-х гг.; 2, 3 — алтарь-очаг

В пенджикентской коллекции в единственном экземпляре представлена бронзовая литая монета, на одной стороне которой надпись по-арабски в три строки (рис. 10, 7): (1) «Во имя Аллаха; (2) ...; (3) за дирхем», а на другой — изображение квадратного отверстия и по краю монеты арабская надпись. По почерку и расположению надписи эта монета близка к монетам ихрида Кеша. Стратиграфические условия находки монеты позволяют думать, что она была выпущена в 40–50-е гг. VIII в. В круговой легенде на оборотной стороне О. Г. Большаков разгадывает арабское слово, которое переводится как «своими словами», и находит два айата Корана с этим выражением: 10:82 и 8:7–8, причем в нашем случае наиболее подходит первый из этих айатов: «И утверждает Аллах истину Своими словами, хотя бы и ненавистно это грешникам» (пер. И. Ю. Крачковского), и несколько менее второй:

Рис. 10. Пенджикент, монеты середины VIII в.:

1 — П-2001-XXVIc-41* (диаметр — 16–17 мм, вес — 0,9 г); 2 — П-50-I-16 (диаметр — 27 мм, вес — 2,97 г [по: Смирнова 1963: № 12]), серебро; 3 — П-59-III-112 (диаметр — 23 мм, вес — 1,55 г); 4 — П-70-XVI-28 (диаметр — 15 мм, вес — 1,1 г); 5 — П-56-I-51 (диаметр — 16 мм [по: Смирнова 1963: № 797]); 6 — П-60-VII-34 (диаметр — 16 мм, вес — 2,00 г); 7 — П-91-XXIII-3 (диаметр — 21 мм, вес — 2,21 г); 8 — П-2002-XXVIc-30 (диаметр — 20–22 мм, вес — 1,50 г); 9 — П-2002-XXVIc-49 (диаметр — 20–21 мм, вес — 1,90 г); 10 — объект XXIII, помещение, брактат, золото (диаметр 21 мм, вес 1,15 г)

* Шифр, под которым монета значится в описи монет Пенджикентской экспедиции. Первая цифра шифра обозначает год находки, вторая — номер объекта на Пенджикентском городище, третья — порядковый номер по описи монет за соответствующий год раскопок.

«Аллах желает утвердить истину Своими словами и отсечь неверных до последнего, чтобы утвердить истину и изничтожить ложь, хотя бы и ненавистно это было грешникам» (пер. И. Ю. Крачковского). Появление такого рода аятав на монетах связано с борьбой Абу Муслима за передачу власти в халифате роду Пророка, к которому принадлежали Аббасиды. Квадратная рамка вместо квадратного отверстия появилась во втором десятилетии VIII в. на монетах Гурека типа II. Новые денежные знаки — фельсы — вначале хотели сделать в чем-то похожими на деньги, привычные для населения Согда. Поэтому можно предположить, что фельс, о котором идет речь, был выпущен где-то в Самаркандском Согде [Маршак и др. 2003: 242–243].

Среди типов фельсов, редко встречающихся в Пенджикенте, имеется один, выпущенный Абдуррахманом б. Муслимом — знаменитым Абу Муслимом — в середине VIII в. [Маршак, Распопова 2003: 23–24, рис. 116] (рис. 10, 8). Другой фельс — нестандартный и очень плохой сохранности (рис. 10, 9) [Маршак, Распопова 2003: 24, рис. 117]. Легенда выполнена крупными буквами. В нижней строке скорее угадывается, чем читается имя (?), возможно, «Наср» или «Фадл». Дата не установлена, но это, вероятнее всего, первая половина VIII в., поскольку позднее обычные аббасидские фельсы начали чеканить в Самарканде и других городах Средней Азии.

Таким образом, с 40-х гг. VIII в. в Согде начинается выпуск бронзовой монеты с арабскими надписями, чеканка же серебра переходит в руки аббасидских наместников. Согдийская бронза, во всяком случае, монеты с именем Тургара, находилась в обращении до конца существования города. Золотой монеты в Согде не знали. Впрочем, в данной связи следует упомянуть редкую находку золотого брактеата (рис. 10, 10). Брактеат далек от монетной иконографии. На нем имеются переработанное изображение сасанидского алтаря огня и арабские надписи: первая строка — *хасабию Аллахи*, вторая строка — *баракат* (чтение А. М. Беленицкого и М. Б. Пиотровского). *Хасабию Аллахи* («опека Аллаха») — кораническое выражение, под *баракат* («благословением») надо понимать благословение от Аллаха. Такие благопожелательные надписи, окаймленные двумя вертикальными линиями, состоящими из точек, находятся там, где на реверсе сасанидских драхм помещаются две стоящие фигуры с копьями. Изображение алтаря-жертвенника переосмыслено художником: его колонна превращена в человеческую голову, а верхняя плита — в корону, снабженную крыльями и стойкой, завершающейся полумесяцем и вписанным в него кружком. Корона напоминает вариант «сасанидского» парадного головного убора в росписи из Кусейр-Амры. По краю брактеата идет круг из перлов. Этот артефакт происходит из кладовой с пандусом жилища первой половины VIII в., принадлежавшего зажиточному горожанину.

В 750-е гг., после успеха восстания Абу Муслима, в жизни народов Средней Азии произошли важные перемены. Теперь те знатные согдийцы, которые становились мусульманами, могли найти себе достойное место в государстве Аббасидов, что привело к переходу в ислам господствующего класса и большинства горожан. Однако целый ряд приверженцев прежней веры из числа аристократов был репрессирован Абу Муслимом. Возможно, с этими событиями связано постепенное запустение Пенджикента. В 60–70-е гг. VIII в. окончательно забрасываются или превращаются в рядовые жилища дома городской знати. Во время борьбы арабов с Деваштичем храм II Пенджикента, в отличие от храма I, не был сожжен, но и он, вероятно, не избежал общего запустения города в 720–730-х гг., а затем, в 740-е гг.,

в противоположность жилым домам, скорее всего, не восстанавливался. Во всяком случае, его живопись не подновлялась. Большое свободное пространство храма и его помещения, вероятно, лишь более или менее случайно использовались принявшим ислам население в третьей четверти VIII в. В главном помещении храма II — целлы — на штукатурке стен прослежены слабые следы арабских надписей, нанесенных тушью безусловно после того, как храм перестал функционировать. Лучше всего сохранилась трехстрочная надпись в северной части западной стены, выполненная типичным для VIII в. письмом (рис. 11). В последней строке читается слово «наспр» — «помощь», «победа», или, что вероятнее всего, собственное имя какого-то араба (а может быть, и согдийца-мусульманина с арабским именем), посетившего уже заброшенный храм. Позднейшие посетители даже разводили в целле огонь [Маршак 1987: 96].

В третьей четверти VIII в. в денежном обращении наблюдается переход на фельсы, отчеканенные от имени представителей арабской власти. Наиболее ранний имеет дату 143 г. х. (760) [Смирнова 1970: 186–187]. К югу от Пенджикента была раскопана загородная усадьба, откуда происходят редкие, ранее не встречавшиеся в этом городе монеты, прежде всего фельс Хашима (рис. 12, 1) [Маршак, Распопова 2001: 34–35, рис. 75, 1]. Он найден в усадьбе 13 на полу помещения. На его лицевой стороне в центральном поле арабская куфическая легенда *āmara Allahu bi-l waḡā wa-l ‘adl*, что в переводе означает: «Повелел Аллах верность и правосудие». Под легендой — точка. Центральное поле окружено двумя линиями. Между ними нет обычной для фельсов круговой легенды, вместо которой имеются только небольшие кружки с точкой в центре. Таких кружков было, видимо, четыре, расположенных крестом, но прочеканилось только три. На оборотной стороне композиция монетного поля такая же, но нет этих кружков. Куфическая легенда тоже в три строки: *miḡā āmara bihi | Ḥāšim walī | Abumuslim* (sic!), что переводится так: «Из того, о чем приказал Хашим, наместник Абу Муслима» (или «близкий к Абу Муслиму»).

Сразу же после расчистки монеты было сделано предположение, что это фельс знаменитого предводителя восстания против Аббасидов — Хашима б. Хакима ал-Муканны. Восстание Муканны началось в 160 г. х. (776), а монета Хашима найдена слипшейся с бухарским фельсом этого же года (рис. 12, 2), находящим аналогии в эрмитажном собрании (рис. 12, 3) [Тизенгаузен 1873: 97, № 906]. Ни на одной монете легенды не сохранились полностью. Сводное чтение легенд таково: на лицевой стороне в основном поле: *barakat li Mūsā / walī ‘ahdi-l muslimina*, т. е. «благословение Мусе, наследнику престола мусульман». Круговая легенда: *bismi-l-lahi dāzuḡiba ḡazāl falṡu bi-Buḡārā fī sanati sittina wa mi ‘atun* — «Во имя Аллаха. Выбит этот фельс в Бухаре в году 160». Обратная сторона, в поле: *Muḡammad | rasulu | Allahu* — «Мухаммад — посланник Аллаха», в круге: *miḡā amiḡa bihi ‘Abḡu bni Kadid* (или *Мадид*) *‘amiḡu-l āmiḡri ‘Abd-al-Maliḡi bni ‘Iyazīdi* — «Из того, о чем приказал Абдуху б. Кадид, амиль эмира Абдалмалика б. Йазида». Бухарский фельс 160 г. х. показывает, что какая-то жизнь в городе тлела и после 776 г. До этого в слое не было найдено монет позднее 154 г. х.

Впервые фельс Муканны, оказавшийся очень похожим на найденный в Пенджикенте, был определен Б. Д. Кочневым [Кочнев 1995; Kochnev 2001]. Он отметил, что легенда лицевой стороны встречается на фельсах 101–145 г. х. и что, судя по надписям на фельсе, Муканна не порывал с исламом, по крайней мере, в начале восстания (что противоречит данным письменных источников) и провозгласил себя преемником

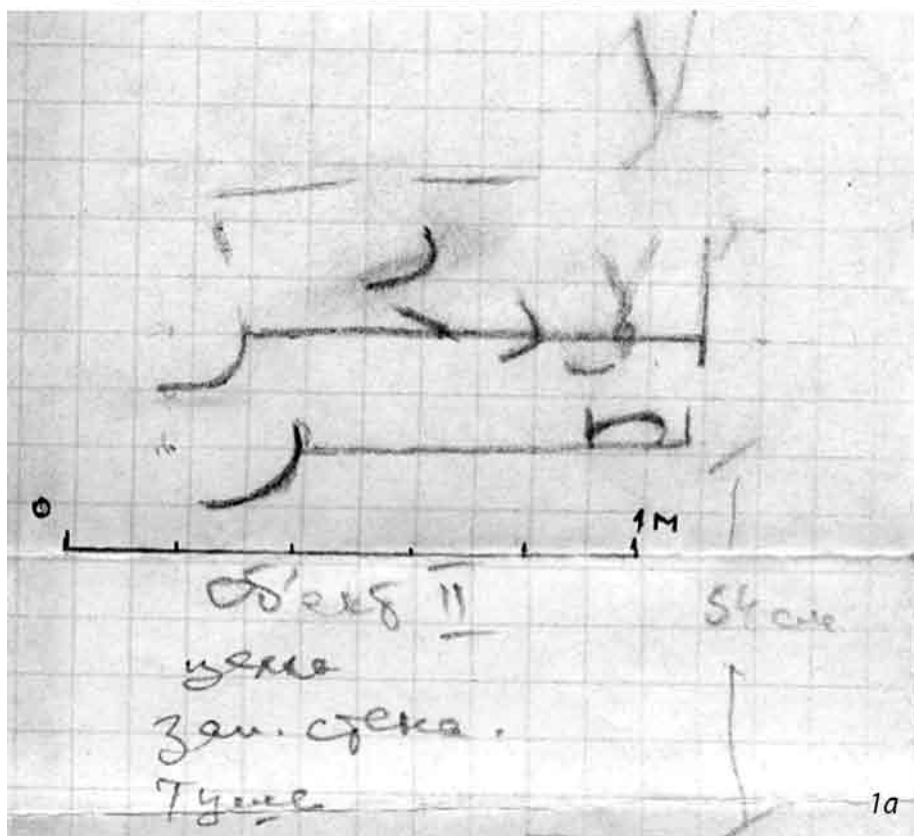

Рис. 11. Пенджикент, объект II, целла, западная стена, арабская надпись (прорисовка надписи, сделанная Б. И. Маршаком в поле)

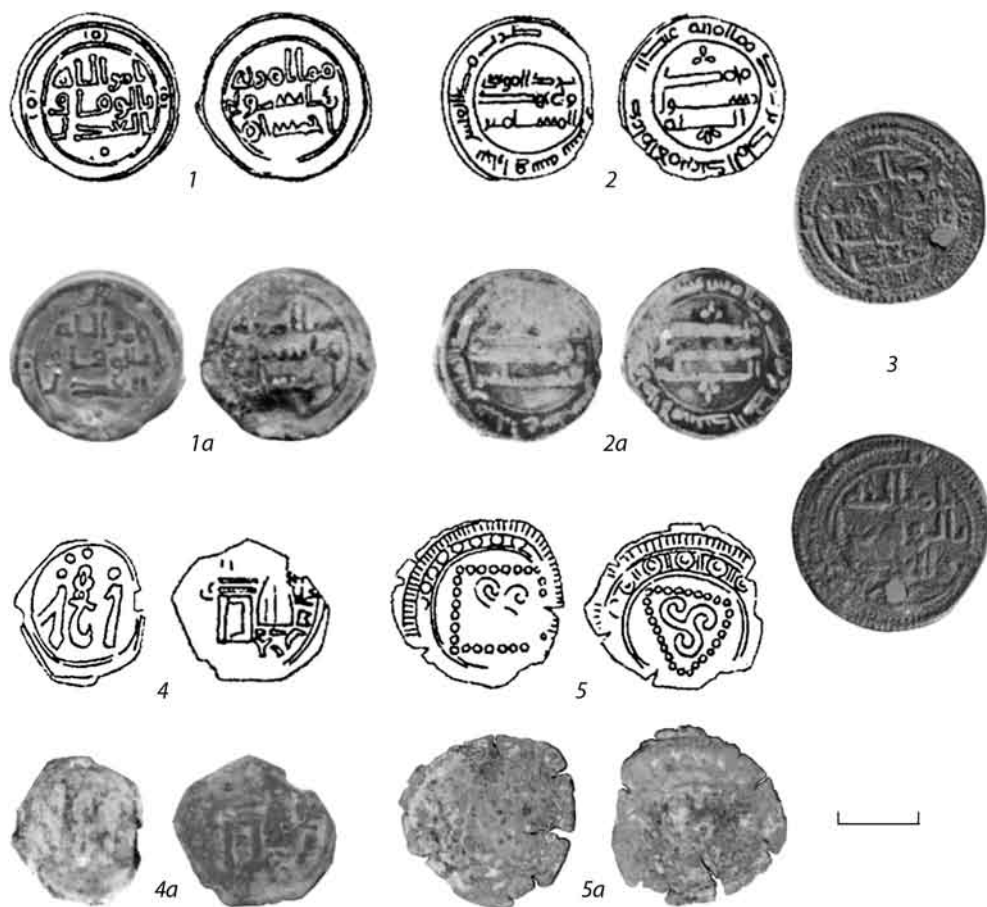

Рис. 12. Пенджикент, монеты третьей четверти VIII в.:

1 — П-2000-VIII-6 (диаметр — 21–22 мм, вес — 3,50 г); 2 — П-2000-VIII-5 (диаметр — 20,5 мм, вес — 2,40 г); 3 — фельс (коллекция Гос. Эрмитажа, инв. № 10862); 4 — П-2000-VIII-7 (диаметр — 16–18 мм, вес — 1,55 г); 5 — П-2000-XXVIc-7 (диаметр — 20–21 мм, вес — 2,00 г)

Абу Муслима (что подтверждено источниками). Пенджикентская находка дает надежное свидетельство о правильности географической (Согд) и временной привязки монет Муканны.

Благодаря любезности И. Г. Добровольского мы ознакомились с собранием омейядских и аббасидских фельсов в Отделе нумизматики Эрмитажа, где хранятся три бухарских фельса 160 г. х. (№ 1447, 2882, 16385). Фельс из коллекции Пахомова (№ 10862) (рис. 12, 3) по отсутствию круговых легенд, кружкам между двумя линиями бордюра и, главное, по легендам очень схож с монетами Муканны. Его лицевая сторона обведена двумя окружностями, состоящими из точек. Между ними 4 кружка без точки в середине. Легенда: *āmara Allāhu* [один из ламов отсутствует] | *bi-l waḥḍā* [третья буква так искажена, что узнается только благодаря аналогам] | *wa-l 'ād l* [последняя буква отсутствует]. Текст тот же, что и на монетах Муканны, но резчик механически срисовывал буквы, вероятно, не понимая его значение. Три или четыре буквы заменяют участок внутреннего бордюра около конца последней

строки. Это место похоже на надчекан, но не имеет четкой границы настоящих надчеканов. Читая снизу вверх, можно увидеть буквы *ар* или *аз* + одну или две неразборчивых буквы. Утолщение точечного бордюра перед *алифом* едва ли буква, поскольку в этом месте различимы четыре слившиеся точки. Легенда на оборотной стороне перекрывает следы знаков, уже находившихся на монетном кружке до чеканки и не укладываемых в строки. В первой строке видны короткая горизонтальная черта и слово «Аллах», во второй угадываются слова *āmara bixi* и ясно читается *al-āmīru*. В слове *āmara* при этом нет и (и не было) *алифа*. Перевод получается: «Из того, что приказал эмир». Далее в третьей строке должно стоять имя (или кунья) эмира, но оно не читается. В начале строки нет букв (дуга, похожая на начальный *‘айн*, стоит над строкой, тогда как в конце написано: *ла*, затем, скорее всего, буква типа *ба*, слившаяся со следами знака, за ней *лам* или *алиф*, а затем конечный *нун*. В последней, четвертой, строке ясно видно слово *бну* — «сын», тогда как имя отца эмира допускает разночтение. Его первая буква похожа на деформированный *‘айн*, затем стоит буква типа *ба* (?), за ней *алиф* или, что менее вероятно, *лам* и, наконец, буква типа *сад*.

Нам не удалось подобрать подходящие имя и отчество среди деятелей той эпохи. Тем не менее представляется, что данный фельс, характеризующийся явной преемственностью от монет Муканны, был выбит по приказу какого-то командира повстанцев, который действовал в районе, расположенном вне основной территории восстания, при жизни или вскоре после гибели Муканны, причем в распоряжении этого предводителя не было резчика, умевшего писать по-арабски.

В одной стопке со слившимися фельсами были найдены еще две маленькие монеты, также не имевшие отверстия, из которых одна неопределима, а на другой на обеих сторонах различимы необычные композиции (рис. 12, 4). Очертания этой монеты неправильные, штемпель отчеканился только частично. На лицевой стороне видны две фигурки, похожие на цифру 1 (может быть, стойки с флажками), над ними арка из точек. Между «стойками» сложный знак, внешне похожий на кривой меч. На оборотной стороне композиция напоминает реверсы сасанидских монет. Посередине, как будто, изображен алтарь огня. Справа от него угадывается человеческая фигура в длинном кафтане. Еще правее, у края различимы остатки легенды. Слева от алтаря изображения нет, но не исключено, что оно просто не отчеканилось.

К монетам какого-то «смутного времени», которые, восполняя недостачу средств обращения, не имели, по-видимому, прокламативного значения, можно отнести и необычную бронзовую монету (рис. 12, 5). На ее одной стороне точки выделяют в середине поля квадрат, а на другой — подтреугольную фигуру со скругленными углами, в которую вписан трискелос. Подтреугольная фигура окружена полосой орнамента. В квадрате видны завитки, похожие на концы трискелоса. Вокруг квадрата двойной бордюр из точек и радиальных черточек.

Трискелос в середине монетного поля широко известен в среднеазиатской нумизматике и, в частности, встречается на фельсах времени Абу Муслима (?) с надписью «шестьдесят за дирхем» [Смирнова 1981: 67, 75–76, 78–80, 420, табл. XLVIII, №1676, 1676а; LXXXV, LXXVI, XCII, 62; Довутов 1987], но публикуемая здесь монета отличается плотным заполнением поля и орнаментальностью композиции на обеих ее сторонах.

К западу от городища за пределами крепостных стен раскопаны жилища, датированные в основном IX в. [Маршак и др. 2007: 211–214]. Это были недолговечные

сооружения, небрежно возведенные на развалинах строений более раннего времени, отличавшихся мощными пахсовыми стенами и платформами. Здесь найдены обломки котлов IX в., формованных на гончарном круге. Среди последних выделяется группа тонкостенных с плотным серым черепком с примесью кварца. Такие котлы, на одном из которых имеется прочерченная острием до обжига арабская надпись, были найдены на шахристане на объекте IX в верхнем слое вторичного обжигания помещения 7 [Беленицкий 1958: 123–124]. Надпись состоит из одного слова: *сахавā* — «щедрость», «великодушие» (рис. 13, 1) [Беленицкий 1956а: 27–29]. Точно такая же надпись есть на одном из черепков, происходящих из раскопок к западу от древнего Пенджикента (рис. 13, 2). На другом фрагменте также есть нанесенная до обжига надпись (рис. 13, 3). Это имя «Ибрахим», написанное курсивом, но без точек. Текст состоял только из имени или начинался с него. Скорее всего, это имя мастера, а не заказчика, поскольку котлы были серийного производства. Таким образом, мы узнали имя, вероятно, пенджикентца IX в., мусульманина, умевшего писать по-арабски.

В 1100 м к юго-востоку от городища, в местности Дашти-Урдакон находился могильник — часть городского некрополя VIII в., который частично исследован [Беленицкий и др. 1980: 243–244; Беленицкий и др. 1982: 217–218]. Здесь обнаружены труположения головой на запад. В части могил имелись боковые подбой с входом, заложенным сырцовыми кирпичами. Сопровождающий инвентарь очень беден. Т. К. Ходжаев, исследовавший костные остатки из всех погребений Дашти-Урдакона, пришел к заключению, что погребенные как на Дашти-Урдаконе, так и в наусах не различаются по расовому типу. Материалы из Дашти-Урдакона не подтверждают гипотезу о наличии раннеисламских погребений, но и не отрицают такую возможность в категорической форме.

В конце VIII в. Пенджикент, как и все небольшие города Согда, перестал существовать как городское поселение, а его знать при первых Аббасидах пошла на службу к арабам и переселилась в большие города. Сведения о потомках Деваштича содержатся в родословной Микаля (IX в.) [Лившиц 1979: 65–68].

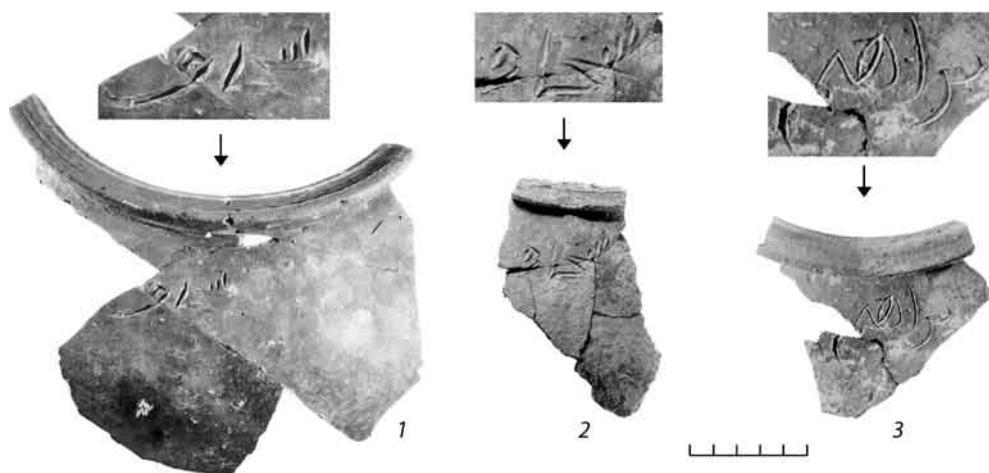

Рис. 13. Пенджикент, фрагменты глиняных котлов с арабскими надписями:

1 — объект IX; 2, 3 — Кайнар-Запад

Таковы результаты исследований, связанных с пребыванием арабов в Пенджикенте. Впервые для Согда намечается возможность воочию проследить взаимоотношения согдийцев и арабов. Пенджикент представляет собой наглядный пример одного из многочисленных согдийских городов-государств, растворившихся в государственной системе Халифата.

Литература

- Беленицкий 1956а: *Беленицкий А. М.* Арабская надпись из Пенджикента // ЭВ. Вып. XI.
- Беленицкий 1956б: *Беленицкий А. М.* Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г. // ТАНТаджССР. Т. XXXVII.
- Беленицкий 1958: *Беленицкий А. М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951–1953 гг.) // МИА. № 66.
- Беленицкий, Исаков 1969: *Беленицкий А. М., Исаков А. И.* Ранняя арабская надпись на черепке из Пенджикента // ЭВ. 1969. Вып. XIX.
- Беленицкий, Маршак 1978: *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии // Культура Востока. Древность и средневековье. Л.
- Беленицкий и др. 1980: *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ. Вып. XV.
- Беленицкий и др. 1982: *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И.* Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ. Вып. XVI.
- Большаков 1964: *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II, раскопки 1952–1956 гг.) // МИА. № 124.
- Воронина 1964: *Воронина В. Л.* Архитектура древнего Пенджикента (Результаты раскопок 1954–1959 гг.) // МИА. № 124.
- Григорьев 1946: *Григорьев Г. В.* Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда (тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 8 сентября 1941 г.) // КСИИМК. Вып. XIII.
- Джалилов 1961: *Джалилов А.* Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. Сталинабад.
- Довутов 1987: *Довутов Д.* О среднеазиатских фельсах VIII в. с надписью «шестьдесят дирхем» // ИООНАНТаджССР. № 2.
- Дьяконов 1954: *Дьяконов М. М.* Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М.
- Кочнев 1995: *Кочнев Б. Д.* Монеты Мукадды // Археология и художественная культура Центральной Азии: ТД. 2. Ташкент.
- Крачковская, Крачковский 1934: *Крачковская В. А., Крачковский И. Ю.* Древнейший арабский документ из Средней Азии // Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Л.
- Лившиц 1979: *Лившиц В. А.* Правители Панча (Согдийцы и тюрки) // НАА. № 4.
- Лившиц 2008: *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.
- Лурье, Маршак 2002: *Лурье П. Б., Маршак Б. И.* Согдийские надписи из раскопок древнего Пенджикента сезона 2001 г. // МПАЭ. Вып. IV.
- Маршак 1964: *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // МИА. № 124.
- Маршак 1975: *Маршак Б. И.* Городская стена V–VII вв. в Пенджикенте // Новейшие открытия советских археологов: ТД конференции. Киев, апрель 1975 г. Ч. II.
- Маршак 1987: *Маршак Б. И.* Подъемная машина в храме древнего Пенджикента // Прошлое Средней Азии (Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе, 1987.
- Маршак, Распопова 2001: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2000 году. СПб. (МПАЭ. Вып. III).

- Маршак, Распопова 2002: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2001 году. СПб. (МПАЭ. Вып. IV).
- Маршак, Распопова 2003: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2002 год. СПб. (МПАЭ. Вып. V).
- Маршак, Распопова 2005: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2004 году. СПб., 2005 (МПАЭ. Вып. VII).
- Маршак и др. 2007: *Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г.* Раскопки городища древнего Пенджикента в 1990 г. // АРТ. Вып. XXXI.
- Маршак и др. 2003: *Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г.* Раскопки городища древнего Пенджикента в 1991 г. // АРТ. Вып. XXVIII.
- Распопова 1990: *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента (Опыт историко-социальной интерпретации). Л.
- Смирнова 1963: *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент. М.
- Смирнова 1970: *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. М.
- Смирнова 1981: *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.
- Ставиский 1964: *Ставиский Б. Я.* Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951–1959 гг. // МИА. № 124.
- Табари 1987: «История» ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с араб. В. И. Беляева с доп. О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент.
- Тизенгаузен 1873: *Тизенгаузен В. Г.* Монеты Восточного халифата. СПб.
- Grenet, de la Vaissière 2002: *Grenet F., de la Vaissière É.* The Last Days of Panjikent // SRAA. Vol. 8.
- Kochnev 2001: *Kochnev B.* Les monnaies de Muqanna' // StIr. T. 30/1.
- Miles 1938: *Miles G. C.* The Numismatic History of Rayy. New York (Numismatic Studies. No. 2).
- Walker 1956: *Walker J. A.* Catalogue of the Arab-Byzantine and Post Reform Umayyad Coins. London.